

DOI 10.25991/VRHGA.2020.20.4.023

УДК 1(091) (4)

*А. Я. Кожурин**

КРИТИКА ИДЕЙНЫХ ОСНОВАНИЙ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА И НИГИЛИЗМА В ТРУДАХ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Статья посвящена критике либерализма и нигилизма в трудах Н. Я. Данилевского. Консервативный мыслитель показывал взаимосвязь идейных установок этих течений в русской социально-политической мысли XIX в. Автор сосредотачивает свое внимание на своеобразных воззрениях Н. Я. Данилевского.

Ключевые слова: либерализм, нигилизм, консерватизм, парламент.

A. Ya. Kozhurin

*THE CRITIC IDEAS FOUNDATION OF RUSSIAN LIBERALISM AND NIHILISM IN
WORKS BY N. Ya. DANILEVSKY*

The article is devoted to critic liberalism and nihilism in works by N. Ya. Danilevsky. Conservative thinker is demonstrated relation between this directions in Russian social-political mind of 19 century. The author focuses on the original views by N. Ya. Danilevsky.

Keywords: liberalism, nihilism, conservatism, parliament.

В 2019 г. исполняется 150 лет со дня выхода в свет знаменитой работы Николая Яковлевича Данилевского (1822–1885) «Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому». Первоначальный вариант был опубликован в журнале «Заря», а в 1871, 1888, 1889 и 1895 гг. выходили отдельные издания труда Н. Я. Данилевского. Мы рассмотрим творчество великого русского мыслителя и натуралиста в аспекте его противостояния либерализму и нигилизму — двум страшным напастьям России, сохраняющим свое разрушительное воздействие и в наши дни.

* Кожурин Антон Яковлевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; ankogyrin@rambler.ru

Н. Я. Данилевский выступал в кружке Петрашевского в качестве главного эксперта по социалистическим доктринам. Особенно привлекало участников кружка его изложение учения Ш. Фурье. Это учение интерпретировалось им как социально-экономическое, а не как политическое. Данное обстоятельство необходимо учитывать, ибо для власти России того времени наибольшей опасностью представлялись заговоры политических радикалов, но не абстрактные, как тогда казалось, социалистические теории. Это же необходимо заметить и о концепциях русских консерваторов, которые начали оформляться в николаевскую эпоху. Когда в известной работе 1848 г. Ф. И. Тютчев говорит о Революции и противостоящей ей России, то речь идет о либеральной революции, а никак не о революции социалистической [4, с. 171–182]. Данное обстоятельство необходимо учитывать, когда мы анализируем концепции того времени.

Следует заметить, что в ряде социально-политических концепций первой половины XIX столетия четко обозначилось стремление к синтезу двух типов утопизма — социального и технократического. Первый из этих типов отсылает нас к работам Т. Мора и Т. Кампанеллы. Источник второго — это, несомненно, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона. Усилиями Сен-Симона, Фурье и Оуэна были предприняты серьезные попытки соединить эти линии утопической мысли. Решающее значение в успехе данного проекта, несомненно, сыграла деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса, которые не случайно назвали свое детище «научным социализмом». Учение Фурье на этом фоне представляет значительный интерес. Пожалуй, более, чем кто-либо из названных авторов, он был склонен к синтезу сциентистских и фантастических элементов.

Это совмещение и делало концепцию Фурье, одного из основоположников науки о «социальном человеке» (наряду с Сен-Симоном и Контом), привлекательной в глазах молодежи. Не надо забывать, что и Данилевский, и большинство других участников кружка Петрашевского были молодыми людьми. Особенно интересен для них был взгляд французского автора на проблему отношения полов. Фурье был искренне возмущен тем отношением узаконенного разврата, который представлял собой традиционный брак, особенно у него на родине. Поэтому он ратовал за равноправное отношение между мужчинами и женщинами. Знаменитого утописта даже считают автором термина «феминизм». Другой аспект — это тема «реабилитации плоти», которой отдали дань многие интеллектуалы той поры. Среди них необходимо назвать Сен-Симона и его последователей, знаменитую Ж. Санд, А. И. Герцена и др. Но Фурье опять-таки был наиболее последователен. Его интересовали не только социальные, но и сексуальные аспекты организации фаланстеров. Последние основаны на страстном влечении, свободной любви и множестве любовных связей. Эти связи, по мысли автора, должны были способствовать и социальному единению, и успехам на трудовой ниве.

Подобная смесь социально-утопических и эротических установок немало способствовала популярности идей Фурье у молодых русских интеллектуалов. (К учению Фурье вполне применим знаменитый девиз: «Будьте реалистами — требуйте невозможного!» Любопытно, что в 1960–1970-е гг. с этим было связано пробуждение интереса к идеям французского утописта у «новых левых», на что обратил внимание И. Р. Шафаревич [7, с. 297–298].)

Не остался в стороне и Данилевский, который читал настоящие курсы лекций по фурьеризму. Причем как товарищам по кружку Петрашевского, так и представителям следственного комитета. Что же излагал в этих «лекциях» подследственный? Н. Я. Данилевский сразу отказывался от априорных принципов, на которых социальные мыслители XVIII — первой половины XIX в. выстраивали свои концепции общественного развития. В фурьеризме его привлекло внимание не столько к макро-, сколько к микроструктурам общества. В отличие от большинства социально-философских концепций своего времени, сосредоточившихся на политических и экономических аспектах, Фурье обращал внимание «на ежедневных, домашних, так сказать, будничных отношениях людей между собою, которые для поверхностных наблюдателей могут казаться ничтожными, а которые в сущности играют самую важную роль в вопросе человеческого счастья» [3].

В качестве основного элемента исследования Фурье рассматривал деятельные способности человека, или «страсти». Их французский утопист насчитывал двенадцать — пять материальных (зрение, слух, обоняние, вкус и осязание), четыре общественных (дружба или приязнь, честолюбие, любовь, родственность) и три распределяющих (стремление к приятному состоянию, стремление к соревнованию и конкуренции, стремление к разнообразию). Базируясь на анализе этих коренных стремлений человека, Фурье стремился обосновать творческий труд, трудовое соревнование и, как их результат, всестороннее удовлетворение всех потребностей человека. Соединяясь, двенадцать страстей производят новую страсть — унитеизм, стремление к единству. Данное единство на разных уровнях выступает то как патриотизм, то как любовь к человечеству, то как религиозное чувство.

Автор изложения указывал, что французского утописта нельзя упрекнуть в коммунистических устремлениях, он не был противником частной собственности. Кроме того, подобно другим идеологам социализма первой половины XIX в., Фурье был противником насильственных действий — не только революций, но и других форм борьбы рабочего класса за свои права (забастовки, стачки и т. д.). Это, кстати, ставили им на вид сторонники более радикальной версии социализма — К. Маркс и Ф. Энгельс. Вспомним, например, брошюру последнего «Развитие социализма от утопии к науке» (1880), а также предисловие Маркса к ней.

В этом смысле Данилевский нисколько не кривил душой, когда защищал установки французского мыслителя на следствии. Цель Фурье — создание материального основания будущего справедливого общества. Три производственными данными общества у него выступают «труд» (5/12), «капитал» (4/12) и «талант» (3/12). Задача состоит в том, чтобы правильно распределять доходы, способствуя их изменению в пользу труда. Это, по мнению французского мыслителя, приведет к ликвидации основных разрывов, господствующих в современном ему обществе (между богатыми и бедными, между городом и деревней и т. д.).

Показательно, что самый, пожалуй, скандальный аспект учения Фурье Данилевский также не оставил без внимания. Речь, разумеется, идет о семейных отношениях и отношениях между полами. Данилевский защищал француз-

ского социалиста от обвинений в пропаганде разрушения семьи и поощрении безнравственности. Ничему подобному Фурье не учил — замечал его русский популяризатор. Напротив, на протяжении первых трех столетий существования общества нового типа отношения между полами должны оставаться неизменными. Их изменения станут возможными лишь по мере развития этого общества, но это дело отдаленного будущего. Таким образом, и в этом аспекте учение Фурье не содержит в себе ничего крамольного, а следовательно, его популяризация не может быть никому инкриминирована. На этом Данилевский закончил свое изложение учения французского утописта.

Как вспоминал П. П. Семенов,

впоследствии Ростовцев говорил в шутку, что по прочтении увлекательных объяснений Данилевского все члены судной комиссии сделались сами более или менее фурьеристами. Данилевский был оправдан судной комиссией, но, по докладу государю, в котором комиссия отозвалась с похвалой об уме и разносторонней образованности Данилевского, государь выразился, что чем умнее и образованнее человек, тем он может быть опаснее, а потому положил резолюцию об административной ссылке Данилевского в Вологду [6, с. 93].

Завершая разговор об участии Данилевского в кружке Петрашевского, отметим один немаловажный эпизод. Считается, что автор «России и Европы» стал прототипом одного из героев романа Ф. М. Достоевского. Речь идет о Шатове — персонаже «Бесов». Конечно, целиком идентифицировать его с Данилевским нельзя, но какие-то черты характера и идейные коллизии гениальный романист использовал при создании этого образа. Еще одно любопытное обстоятельство — как известно, Шатов был любимым персонажем В. В. Розанова, о чем тот неоднократно свидетельствовал в своих работах и частных беседах. Это позволяет провести еще одну параллель между двумя великими русскими мыслителями.

Теперь обратимся к главной книге Данилевского — «России и Европе». В ней автор дал первую целостную концепцию культурно-цивилизационного типа, сформулировал основные законы развития цивилизаций. Их он обозначил как «культурно-исторические типы». Один из этих законов гласит, что воздействие одного культурно-исторического типа на другой возможно, но очень часто оно носит негативный характер. Не случайно что одиннадцатая глава книги Данилевского называется «Европейничанье — болезнь русской жизни» [2, с. 222–253]. В этой связи необходимо помнить, что «Россия и Европа» создавалась в условиях «великих реформ». Данилевский, будучи принципиальным сторонником реформ, в то же время понимал опасность безоглядного реформирования. Важную роль в осознании негативных аспектов процессов модернизации играло его восприятие человеческого бытия. Как пишет современный исследователь, по мнению Данилевского, «обладая многими частными преимуществами, концепция “модернизации” при ее абсолютизации недостаточно учитывает главное отличие традиционного и модернизированного общества — специфику человека, особенности его сознания» [5, с. 13].

Весьма значительный аспект идейного наследия Данилевского — его публицистика. К сожалению, она нечасто становилась объектом исследования.

В рамках этого аспекта наследия несомненный интерес представляет анализ внутренней политики, предпринятый Данилевским. Убийство Александра II, произошедшее 1 марта 1881 г., могло стать поворотной точкой в русской истории. Сразу после покушения, закончившегося смертью монарха, народо-вольцы обратились к новому императору со своеобразным ультиматумом. Его автором был Л. А. Тихомиров, а содержалось в нем два главных требования: 1) амнистия всем политическим заключенным, 2) созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни, изменение их согласно народным чаяниям. Закономерно вытекающими отсюда условиями прекращения террора были свобода слова, печати, сходок и т. д.

В свою очередь либералы всех мастей, включая и значительную часть высшей бюрократии, приободрились. Чужими руками они хотели загрести главный куш — конституцию, или, используя политический жаргон того времени, «увенчание здания». Злые языки даже утверждали, что интригой руководил великий князь Константин Николаевич. Как замечали не утратившие совесть современники, на фоне этой либеральной возни прокламации террористов выглядели куда более прилично.

Ситуация в России складывалась критическая. Было важно, какие силы смогут воздействовать на нового императора — Александра III. Победу, как известно, одержало консервативное направление, чьим идейным вожаком выступил обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев (1827–1907). Последние голы правления Александра II консерваторы вели арьергардные бои с теснившими их по всем фронтам либералами, но теперь настало время брать реванш. К. П. Победоносцев смог убедить нового императора отказаться от уступок либералам.

Важную поддержку К. П. Победоносцеву в этой борьбе оказали два влиятельнейших консервативных публициста эпохи — Михаил Никифорович Катков (1818–1887) и Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886). Разумеется, между установками двух выдающихся публицистов были серьезные различия. Славянофилы упрекали М. Н. Каткова за то, что в его интерпретации самодержавие уравнивалось с абсолютизмом. Насколько это так — тема особого рассмотрения (своеобразным монархическим манифестом стала статья «Единственный царский путь», написанная М. Н. Катковым. Она была опубликована в «Московских ведомостях» от 25 апреля 1881 г. [4, с. 327–328]). Для И. С. Аксакова подобное уравнивание было абсолютно неприемлемо. Тем не менее совместными усилиями они убедили нового царя издать манифест, в котором провозглашалась незыблемость самодержавия.

В мае 1881 г., когда страна оказалась на развилке, Данилевский выступил со статьей «Несколько слов по поводу конституционных вождедений нашей “либеральной прессы”», напечатанной в «Московских ведомостях». В ней мыслитель подверг резкой критике устремления прогрессивной общественности, которая оказалась в своеобразном тандеме со светской камарильей в стремлении ввести в России элементы парламентаризма. Он показал неорганичность западных моделей парламентаризма на русской почве, их абсолютную ненужность и даже вредность.

По мнению Данилевского, ни одна из существующих форм политического устройства (монархия, аристократия или демократия) не может считаться совершенной. Поэтому необходимо руководствоваться не абстрактными рассуждениями о лучшей форме власти, а рассматривать данные формы применительно к конкретной стране и ее народу. Как указывал Данилевский,

вопрос заключается не в абстрактном существовании такого политического идеала, а в применимости его к данному случаю, то есть к данному народу и государству в данное время, и, следовательно, вопрос о лучшей форме правления для известного государства решается не политической метафизикой, а историей [1, с. 208].

Данилевский дал свой прогноз судеб отечественного парламентаризма. Указав, что институту, который должен ограничить царскую власть, необходимо иметь сильную опору в обществе, он констатировал — такой опоры в России нет. Соответственно, все мероприятие получает шутовской характер.

Как назвать учреждение, которое заведомо никакого серьезного значения не может иметь, как назвать дело, имеющее серьезную форму, серьезную наружность при полнейшей внутренней пустоте и бессодержательности? Такие вещи на общепринятом языке называют мистификациями, комедиями, фарсами, шутовством, и русский парламент, русская конституция ничем кроме мистификации, комедии, фарса или шутовства и быть не может. Хороши ли или дурны были бы эта конституция и этот парламент, полезны или вредны — вопрос второстепенный и совершенно праздный, ибо он подлежит другому, гораздо радикальнейшему решению: русская конституция, русский парламент невозможны как дело серьезное, и возможны только как мистификация, как комедия [1, с. 214–215].

В качестве примера, иллюстрирующего возникновение парламентаризма на чуждой ему почве, Данилевский приводит пример Османской империи. В ходе начавшейся русско-турецкой войны, явно рассчитывая на поддержку западных держав, турецкие власти созвали парламент. Никого данная мистификация не обманула — ни европейскую общественность, ни местную публику, ни даже Россию. Русская армия все же начала свое победное шествие по территории Османской империи. В данном случае парламентаризм выступил в качестве своеобразной попытки повлиять на прочность позиций неприятеля. Хоть в этой степени он мог быть оправдан. У нас же даже такого повода не было. Чем же обернется парламентаризм в России? — задавался вопросом Данилевский.

И сам же отвечал на него:

При чтении некоторых наших газет мне представляется иногда этот вожделенный петербургский парламент: видится мне великолепное здание в старинном теремном русском вкусе, блистающее позолотой и яркими красками; видится великолепная зала вроде Грановитой Палаты, но конечно гораздо обширнее, и в ней амфитеатром расположенные скамьи; сидящие на них представители русского народа во фраках и белых галстуках, разделенные, как подобает, на правую, левую стороны, центр, подразделенный в свою очередь на правый, левый и настоящий центральный центр; а там вдали, на высоте, и наша молниеносная гора, — гора

непрерывно: без чего другого, а без горы конечно уже невозможно себе представить русского парламента; затем скамьи министров, скамьи журналистов и стенографов, председатель с колокольчиком, и битком набитые элегантными мужчинами и дамами, в особенности дамами, трибуны, и наконец и сама ораторская кафедра, на которую устремлены все взоры и направлены все уши, а на ней оратор, защищающий права и вольности русских граждан. Я представляю себе его великолепным, торжествующим, мечущим грома из уст и молнии из взоров, с грозно поднятою рукой; слышу восторженные: слушайте, слушайте, bravo, и иронические: о-го! Но между всеми фразами оратора, всеми возгласами депутатов, рукоплесканиями публики, мне слышатся, как все заглушающий аккомпанемент, только два слова, беспрестанно повторяемые, несущиеся ото всех краев Русской земли: шут гороховый, шут гороховый, шуты гороховые! [1, с. 215–216].

В реальных условиях России конца XIX в. парламент представлял бы интересы подавляющего меньшинства населения. Вспомним, что специфика выборного законодательства в Государственные думы начала следующего столетия давала колоссальное преимущество представителям дворянства, буржуазии и интеллигенции. Депутаты, представлявшие эти группы населения, превышали по численности представителей крестьян и рабочих. Соответственно, и обслуживали они в первую очередь интересы своего избирателя. При этом надо помнить, что законодательство о выборах в Думу создавалось в революционной ситуации. Принятое в более спокойных условиях, оно бы носило еще более дискриминационный в отношении большинства населения Российской империи характер. Это, в свою очередь, подстегнуло бы народное недовольство, а радикальные политические силы использовали его в своих целях. Кроме того, нельзя забывать и соседей, мечтавших поживиться за счет России. В случае любой политической заварухи, они не замедлили бы воспользоваться ситуацией.

Притязания отечественных конституционалистов не случайно совпали с ростом нигилистических настроений. Конституционалисты, с одной стороны, запугивали власти нигилизмом, а с другой — стремились использовать последний для достижения собственных целей. По проблеме нигилизма Данилевский высказывался в «России и Европе». Пятнадцать лет спустя после ее журнальной публикации великий мыслитель пишет статью «Происхождение нашего нигилизма», в которой анализирует влиятельнейшее идейно-политическое направление второй половины XIX — начала XX вв. Как мы помним, в молодости он внимательно изучил сочинения классиков утопического социализма и даже пережил увлечение концепцией Фурье, в которой обнаруживал «все признаки науки положительной». Концепция французского утописта, с ее акцентом на человеческих «страстях», позднее преломилась в учение о «коренных устремлениях» в политической жизни народов. Значение выдающихся личностей, по мнению Данилевского, состоит в выявлении этих устремлений и возвышении их до уровня государственной значимости.

Нигилисты требовали научного обоснования этики, эстетики, педагогики, а также подведения этой базы под все сферы человеческой деятельности. В этой связи объектом их критики выступали традиционные социальные институты — государство, частная собственность, семья и т. д. Данилев-

ский интерпретировал нигилизм как «острую болезнь», а его специфика на русской почве свелась к тому, что «мы утрировали, а, следовательно, и окарикатурили самый нигилизм» [1, с. 229]. Во многом мыслитель был прав — нигилизм действительно оказался неспособен разработать позитивную программу социальных преобразований и даже удовлетворительно ее сформулировать. В частности, требуя научного обоснования нравственности, нигилисты пришли к отрицанию собственного содержания этики. Настаивая на освобождении личности, последнюю они понимали весьма примитивно — сводя ее специфику к чисто биологическим основаниям или осуществляя социальную редукцию.

Нигилисты выступали апологетами женской эмансипации. Ее пытались решать как теоретически (достаточно вспомнить хотя бы «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и «Луч света в темном царстве» Н. А. Добролюбова), так и практически — в рамках «коммун», где совместно проживали представители обоих полов. Следует признать, что «шестидесятники» своеобразно предвосхитили западную контркультуру 50–60-х гг. XX в., в частности идеи феминизма и сексуальной революции. Напротив, Данилевский был одним из тех мыслителей, кто убежденно защищал органические, национальные начала жизни. Одним из этих начал выступала семья — сам автор «России и Европы», несмотря на увлечение в молодости идеями Фурье, был образцовым отцом семейства. Следует, кроме того, помнить, что представители аристотелевской линии в социальной философии, в противоположность платонизму, выступали резко против экспериментов в сфере семейных отношений.

И все же очень существенный момент отечественной версии нигилизма не был до конца учтен Данилевским и его единомышленниками. Несмотря на свою теоретическую зависимость от западных источников (Л. Фейербаха, Д. Штрауса, М. Штирнера, К. Фохта, Я. Молешотта, Л. Бюхнера, Э. Геккеля — называем мыслителей, чьи имена упоминаются в интересующей нас статье), русские нигилисты стремились найти выход из того кризисного положения, в котором оказалась пореформенная Россия. Малоземелье крестьянства центральных областей России, усугубляемое культурным разрывом между высшими и низшими сословиями Империи, было чревато революцией. На протяжении десятилетий на реальные проблемы власти закрывали глаза. Судорожные попытки взяться за решение аграрной проблемы уже в начале XX столетия привели к противоположному эффекту — реформы П. А. Столыпина подготовили окончательную революционную конфигурацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилевский Н. Я. Политическая философия. Дополнения к книге «Россия и Европа». — М.: ФИВ, 2013.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. — СПб.: Изд-во СПбГУ, Глагол, 1995.
3. Данилевский Н. Я. Учение Фурье // Петрашевцы: сб. материалов / под ред. П. Е. Щеголева. — М.; Л.: Государственное изд-во, 1927. — Т. 2. — С. 118–149. —

URL: http://az.lib.ru/d/danilewskij_n_j/text_1848_uchenie_furie.shtml (дата обращения: 30.03.2019).

4. Консерватизм: pro et contra, антология / сост., вступ. статья, коммент. А. Я. Кожурина; ред., предисл. А. А. Сеницына. — СПб.: РХГА, 2016.

5. Маякунов А. Э. Национально-государственные проблемы России в творчестве Н. Я. Данилевского: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — СПб.: СПбГУ, 1994.

6. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары // Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге / сост. Б. Ф. Егоров. — Л.: Лениздат, 1984. — С. 77–96.

7. Шафаревич И. Р. Есть ли у России будущее?: Публицистика. — М.: Советский писатель, 1991.